

**Свободное использование
в первобытном мире.**

Moanarch

**Свободное использование
в первобытном мире**

«China Literature»

Moanarch

Свободное использование в первобытном мире / Moanarch —
«China Literature»,

Содержание

Глава 1. Гунер восходит	5
Глава 2. Легенда о человеке, умершем посреди дочки...	8
Глава 3. Кажется, я и вправду возродился	11
Глава 4. Доисторическая медицина	14
Глава 5. Фрагменты памяти	18
Глава 6. Торнмо	21
Глава 7. Первобытный, дикий и опьяняющий	24
Глава 8. Голод по тёте	26
Глава 9. Пожалуйста, помоги мне, тётя	28
Глава 10. Господство и разврат	30
Глава 11. Гигиена и заблуждения	32
Глава 12. Странное совпадение?	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Свободное использование в первобытном мире

Глава 1. Гунер восходит

Добро пожаловать, дорогой читатель.

Хм-м... Не ценитель фэнтези и не утончённый эрудит... а, точно, ты же из *этих*! Из тех, кто кликает на «18+» и проматывает все предупреждения.

Хорошо, тогда ты точно сюда вступишь.

Итак, начнём с чистого листа. Добро пожаловать, дорогой читатель-извращенец.

Прежде всего, давайте познакомимся с нашим главным героем... ЧЕЛОВЕК, МИФ... ЛЕГЕНДА гунинга.

Тот самый человек, который, как говорят, мастурбировал одиннадцать часов подряд за один день, побив мировой реко... не то чтобы кто-то в мире об этом знал.

На самом деле, это наш ГГ просто не любит светиться и не хочет рассказывать миру о своих великих свершениях. Ну, знаете, скромность, смирение и всё такое.

Хм?! И где же он сейчас? Не в аудитории, не на работе, и не на улице, трогая траву.

А, вот он, в своём дегенеративном раю. Сгорбившись, словно криптид, в свете умирающего монитора, с красными глазами после очередного ночного марафона по чтению порноновелл. На полпути между просветлением и цифровым распадом, его пальцы лихорадочно стучат, гоняясь за бесконечными пикселями и строками эротической прозы.

Что до состояния его комнаты? Шторы, разумеется, плотно задёрнуты, воздух затхлый, пропитанный мускусным запахом, старый хренов вентилятор дребезжит, наверняка умоляя о пощаде. И, конечно, его компьютер – единственный источник света. Что-то, что знакомо каждому из нас, но, блин... даже он, кажется, от него устал.

Если монахи искали нирвану через медитацию, то этот парень гонится за ней через «культурный» контент.

В общем, узрите: современный монах сети... посвятивший себя священному искусству гунинга.

...

Если отбросить всё это, сейчас ему двадцать четыре, и он держится на (да, вы правильно угадали) лапше быстрого приготовления, кофеине и чистом отрицании.

Технически, он всё ещё «учится», хотя это трудно так назвать, когда его средний балл так же мёртв, как и его социальная жизнь.

Его несчастный диплом волочит своё изломанное тело к шестому году обучения, всё ещё умоляя, чтобы его наконец дописали и защитили.

На кого он там учится – кто знает. По крайней мере, не я.

Но, чёрт возьми! Прямо как у нас, вся его жизнь – это экосистема запущенности... недоёденная лапша, вкладки с веб-новеллами, забытые амбиции, плесневеющие в углу, и, конечно же, щедрый слой экзистенциального ужаса, покрывающий всё вокруг.

Каждая ночь незаметно перетекает в следующую, превращаясь в цикл бесконечного скроллинга, скроллинга и редких размышлений о том, где всё пошло не так, – прежде чем он снова возвращается к скроллингу.

Семья? Почти не видится.

Друзья? Давно превратились в онлайн-призраков.

Отношения? Последний реальный разговор с женщиной у него был, когда его толстая хозяйка квартиры требовала арендную плату, чавкая, как корова.

Что касается внешности? Одно из важнейших аспектов человеческого общества?.. Ну, честно говоря, он не уродлив, знаете, просто... обычный. Если бы он немного привёл себя в порядок, походил в качалку, возможно, вспомнил, каково это – ощущать солнечный свет, и может... чисто теоретически... улыбнулся бы, как нормальный человек... да, он, вероятно, смог бы найти себе девушку.

Но, а-ах! Это же требует усилий. А усилия – для тех, кто всё ещё верит, что всё может наладиться. Так что, как и мы, он даже не парится.

В любом случае, для него 2д всегда лучше настоящей плоти и крови. Никаких ожиданий, никакой драмы, никаких неловких переписок в три часа ночи и никаких плейлистов для расставания. Только пиксели, сюжеты и бесконечные фантазии.

Что ж... Похоже, у этого чувака классический случай экзистенциального ужаса или, проще говоря, депрессия без видимой причины. А может, причина и есть, но он о ней не знает – вот насколько на самом деле страшна депрессия.

У него нет трагической предыстории, нет душераздирающего разрыва, по крайней мере, недостаточно душераздирающего, чтобы удариться в поэзию или классическую литературу. Что до момента становления злодея – не-а, ничего подобного тоже.

Так что это определённо просто вселенная делает то, что у неё получается лучше всего: по-тихому наёбывает тебя без какой-либо видимой причины.

Честно говоря, со стороны его жизнь выглядит не так уж и плохо.

У него есть крыша над головой, Вай-Фай, еда (технически) и достаточно здоровья, чтобы жаловаться на всё это в интернете.

Но внутри? Как будто кто-то навсегда оставил его в «режиме низкого заряда батареи».

Всё работает, но ничем не хочется пользоваться, и он умирает внутри без всякой на то причины.

Может, всё дело в отсутствии мотивации.

Может, дело во всех этих саморазрушительных привычках, которые завели его на опасную дорожку, где единственное утешение он находит в поглощаемом им контенте, раздвигающем все границы.

А может, как и у нас, это просто взросление и, наконец, осознание истинного лица этого мира; понимание, что всё это – просто сплошное наебало, твои «мечты» были всего лишь лозунгами, чтобы держать тебя в повиновении, и неважно, как сильно ты стараешься, выгоду получают только те самые богатые уёбки.

Пока ты пашешь 24/7, чтобы позволить себе следующий приём пищи, эти уёбки спускают дохую денег на то, чтобы пить кофе из какашек и срать в золотые унитазы.

Короче, нахуй мир, нахуй общество, нахуй психотерапевтов и их ролевые игры по симптомам; он выше всего этого.

В общем, вместо того чтобы жить в этом дерьмовом мире, действующем по их правилам, он предпочитает бунтовать и жить в фэнтезийных мирах... ну, знаете, в тех, где каждый главный герой к десятой главе обзаводится гаремом, а к тридцатой строит империю. По крайней мере, так он может получить хоть какое-то чувство достижения через ГГ и свои мечты.

Кхм!.. вернёмся к теме.

О, похоже, наш герой вот-вот достигнет кульминации... и в переносном, и в прямом смысле. Сегодня он гунил на порно-новеллу про строительство цивилизации.

Знаете этот тип... главный герой переносится в примитивный мир, начинает с нуля, строит королевства, покоряет племена, собирает женщин, как покемонов – любимая фантазия каждого гунера.

И пока он читал, его руки дрожали – не в переносном смысле, а по-настоящему, – ведь он с трудом мог сфокусироваться, не спав последние два, а то и три дня. А его тело ломало от двадцатичасового поста в честь своего грядущего виртуального завоевания.

От прилива возбуждения он быстро прокрутил страницу вниз, наконец добравшись до ключевой сцены, которой так долго ждал – где главный герой наконец-то овладел главной героиней, что этот сраный автор оттягивал на протяжении сотен глав.

Он мысленно подгонял ГГ, не то чтобы это имело значение: «Трахни её сейчас, лижи её подмышки, наполни её киску, да, да, давай».

Но... увы! Как раз в тот момент, когда история достигла своей кульминации, к сожалению, к ней подошла и история нашего ГГ в этом мире.

Пока он был занят тем, что надрачивал свой уже натёртый до синяков член, он внезапно почувствовал острую боль.

Странная, скручивающая боль прямо в груди.

Сначала он её проигнорировал. «Наверное, от голода», – подумал он. Он не ел... вчера? Может, с позавчера? Да какая разница?

Но боль не утихала. Она усилилась, поползла по руке, лицу и плечам, сжимаясь, словно рука, вцепившаяся в сердце. Нет, скорее, как будто слон прыгнул ему на сердце. Экран поплыл перед глазами, словно он был под какой-то дешёвой дрянью.

Внезапно его поразила необъяснимая мысль: «Неужели это тот самый сердечный приступ, о котором я столько слышал?..» Его мысли медленно затуманивались, и сознание начало ускользать.

Но вместо смерти его беспокоило кое-что другое: его бушующая кульминация и холоднолицая героиня, которую вот-вот насадят на член.

– Серьёзно, в самый неподходящий момент? – не мог не пожаловаться он беспомощно, изо всех сил пытаясь сфокусироваться на экране, чтобы хотя бы прочитать сцену, которой он так ждал, где член ГГ наконец-то глубоко вонзился в горячую киску холодной, высокомерной и стервозной главной героини.

Его собственный член бушевал, словно могучий небесный дракон, ожидая лишь одного, одного-единственного движения, чтобы высвободить свою ярость и окрасить мир (потолок) в белый цвет.

Но, к несчастью... всё было напрасно, так как фокусироваться становилось всё труднее и труднее.

– Постойте-ка... я что, правда умираю?

Он смеётся... вернее, хрипит. Хотя он уже и смирился с мыслью, что когда-нибудь внезапно умрёт из-за своего образа жизни, сама идея всё ещё казалась немного абсурдной. Он думал, что хотя бы доживёт до того момента, когда станет лысеющим дядькой-извращенцем, или, может, дочитает «Ван Пис», если автор когда-нибудь решит его закончить.

И нельзя же просто... умереть во время гуинга.

Ведь так?

Ведь так??

Глава 2. Легенда о человеке, умершем посреди дрочки...

Что ж, внезапно его пронзил новый приступ боли, словно говоря: «Да, можешь».

Его левая рука срывается с мышки, и он невольно хватается за грудь от невыносимой боли.

– Нет, нет, нет... не сейчас, – хрипит он. – Хотя бы дайте кончить, я ждал этого грёбаного момента последние двадцать часов! Пошёл ты нахуй, автор, за то, что так затянул, и пошёл ты нахуй, Бог, за то, что выбрал именно это время...

Словно разозлившись на его проклятия, боль усилилась ещё больше, а дыхание сбилось. Изображение на мониторе расплылось в мягкие, сказочные линии.

Он попытался встать, чтобы хоть как-то, хотя бы временно, унять боль. Но, конечно же, с треском провалился, споткнулся, сшибая живописную инсталляцию из пустых банок, и рухнул обратно в кресло.

Дёргающимися пальцами он изо всех сил пытался сфокусироваться и с трудом уставился на экран... на открытые вкладки, сомнительные имена файлов, на скопление абсолютной человеческой тьмы. Наконец, смирившись со своей неминуемой кончиной, он обмяк, и при виде открытых вкладок его поразила внезапная мысль.

– Жёсткий диск... по крайней мере, надо почистить диск...

Это не чувство вины или что-то в этом роде... Это инстинкт. Он слишком долго жил в сети, чтобы умереть, оставив свою историю поиска и файлы нетронутыми.

Так что, забудьте о последних мудрых словах, забудьте об искуплении. Единственное, что действительно имеет значение в этот момент... это управление данными, а точнее, их удаление.

С этой мыслью он перенаправил всю свою силу из члена в руку и каким-то образом наскрёб достаточно сил, чтобы дрожащей рукой потянуть мышь и кликнуть на последний ярлык.

Открывая своё величайшее творение... его параноидальный магнум-опус — «Чистильщик Гунера».

«Cleanip.exe».

Одна-единственная команда, чтобы удалить всё компрометирующее одним махом.

Он едва шевелит пальцем.

Клик.

И...

...ГОТОВО!

С чистого листа.

Цифровое крещение завершено.

Последний акт достоинства.

А потом... всё померкло.

Экран мерцает раз, другой и, в конце концов, гаснет, поскольку процессор перегружается из-за команды и буквально сгорает, чтобы навсегда уничтожить любую надежду на восстановление данных.

Наконец, его тело обмякает.

Кресло жутко скрипит.

И последняя мысль, что проносится в его мозгу, прежде чем тот окончательно отключается?

– Слава Богу, я сделал этот ярлык...

А затем...

Наконец, тишина.

Полная тишина.

...

Ни арф, ни ангелов. Ни жнецов. Даже туннеля света, ожидающего, чтобы сопроводить его в загробную жизнь.

Только тьма... тяжёлая, бесконечная, бархатная тьма. А за ней – абсолют: нетронутая пустота, куда не смеет проникнуть свет и сквозь которую никогда не пробьётся надежда.

И всё же, глубоко в этой пустоте, всё ещё теплится искра жизни. Душа бесцельно плывёт сквозь пустоту, отделённая от плоти, времени, сожалений и, что более важно, от похоти.

Крошечная, упрямая, отказывающаяся угаснуть, словно последний уголёк от раздавленной ботинком сигареты: как бы сильно ты ни топтал, он всё равно продолжает тлеть.

Она блуждает между вселенными, словно прерывистый сигнал Вай-Фая, в поисках смысла там, где его нет (а может, просто чтобы кончить).

Он дрейфует. И дрейфует.

Не было ни верха, ни низа, ни какого-либо направления, лишь вечная пустота.

Это могло длиться секунды, десятилетия или столетия. Кто знает? Время здесь не имеет значения. Прямо как во время поиска материалов для гуинга.

Затем... внезапно... что-то разрывает пустоту.

Беззвучный взрыв света.

Полоса.

Раскалённая добела (ну, не настолько уж и раскалённая), божественная, ослепляющая... словно сама вселенная сказала: «Ага, с этой легендой гуинга мы ещё не закончили».

Она пронзает бесконечную тьму и случайно врежется прямо в ту одинокую, дрейфующую частицу, что когда-то была человеком.

На мгновение содрогается даже пустота, душа бьётся в конвульсиях, а тьма беззвучно кричит.

И вот так просто —

Начинается легенда о человеке, который умер в разгар гуинга...

...

...

– Агх!.. Моя голова... болит...

Внезапно семнадцати-или восемнадцатилетний юноша открыл глаза, медленно моргнул, пытаясь понять, что, чёрт возьми, происходит, и первое, что он заметил, помимо разрывающей головной боли? Огромные сисяндры, реально огромные, самые большие, что он видел за всю свою жизнь, туго обтягивающие её набедренную повязку из звериной шкуры и грозящие в любой момент вывалиться наружу.

«Ладно, – слабо подумал он. – Я жив. Наверное. Может быть. Либо так, либо в аду теперь деревенский стиль. Потому что не может быть, чтобы такие огромные сисяндры существовали в реальности».

И как раз в тот момент, когда он, зачарованный, пялился на эти сисяндры, в нос ему ударил приятный мускусный аромат – смесь каких-то неизвестных цветов и запаха тела, который, вместо того чтобы быть неприятным, оказался очень приятным и странно возбуждающим.

Он попытался пошевелиться, но увы! Он был слишком слаб, чтобы даже двинуться, и мог лишь вращать глазами. Он опустил взгляд и обнаружил, что почти голый, за исключением набедренной повязки из дублёной звериной шкуры, прикрывающей его пах.

Глядя на это загорелое, подтянутое и атлетичное тело, он вдруг почувствовал, что что-то не так, что-то определённо было не так, поскольку его собственное тело уж точно не было таким подтянутым.

Как человека высокой культуры, его вдруг поразила почти абсурдная мысль: это тело определённо не было его собственным.

Но не успел он развить свою мысль, как до его ушей донёлся дрожащий голос: – А-ах, Сол... т-ты... наконец-то очнулся. Я-я... я же говорила тебе, ты ещё слишком юн для охоты, н-но ты всё равно не послушал.

всхлип, всхлип

Он был ошарашен и не знал, что сказать, поэтому просто беспомощно смотрел, пытаясь понять, что происходит.

Грудастая женщина продолжила: – Т-ты... ты не представляешь, как я волновалась, – сказав это, она зарыдала ещё сильнее. *всхлип, всхлип*

– Увидев тебя тогда без сознания... Я-я и вправду подумала, что потеряла тебя... *всхлип*. Видя, как она плачет, он не мог не почувствовать жалость, но главная, блядь, проблема заключалась в том, что он понятия не имел, кто она, чёрт возьми, такая, и почему она называет его Сол.

Это точно было не его имя, но, хоть он так и думал, где-то в глубине сознания зародилось смутное предчувствие, которое, вкупе со странно атлетичным телом и первобытным окружением, лишь усилилось.

Но у него не было времени думать дальше, так как женщина вытерла слёзы и наклонилась вперёд – так сильно, что казалось, будто эти массивные холмы вот-вот вырвутся на свободу и набросятся на него, – не то чтобы он был против.

Не подозревая о его развратных мыслях, женщина с беспокойством посмотрела на него: – Ты в порядке, Сол? Почему ты молчишь?

Неохотно оторвав взгляд от этих сисяндр, он наконец смог получше рассмотреть эту чертовски сексуальную женщину, а точнее, МИЛФу.

Знойная женщина перед ним была самым воплощением первобытной чувственности.

Её длинные тёмные волосы ниспадали по спине соблазнительными волнами, служа дразнящим обрамлением для лица, которое казалось одновременно и мягким, и сильным, будто высеченным из самой первозданной земли – свидетельство её необузданной жизненной силы и яростного духа.

Её пронзительные, изумрудные глаза, светящиеся мягким теплом, встретились с ошеломлённым взглядом юноши, когда она наклонилась. Её полные, сочные губы, казалось, испачканные соком спелой ягоды, изогнулись в нежном, обеспокоенном выражении, когда она протянула руку, чтобы погладить его влажное от пота лицо.

Глава 3. Кажется, я и вправду возродился

Её загорелая кожа на этом стройном теле блестела от лёгкой испарины, а мускусный аромат поцелованной солнцем кожи, земли и первобытной женской притягательности, исходивший от этой МИЛФы, воздействовал на его пробуждающиеся желания. А прикосновение её будоражащих рук, казалось, сулило одновременно и облегчение, и запретные удовольствия, пробуждая в нём голод, грозивший поглотить его целиком.

Когда она наклонилась, жар её тела, сама её суть, отозвалась в нём эхом, ещё сильнее раздувая пламя его желания во всепоглощающий адский огонь.

И как раз в тот момент, когда он почувствовал, что вот-вот потеряет контроль, вечно присутствующая головная боль усилилась, вырвав его из-под её чар и тут же снова включив его разум. Когда он пришёл в себя и оглядел её и всё вокруг, он не мог не пробормотать: «Что я такое? Где я? И, самое главное, кто эта обалденно горячая МИЛФа?»

Эта женщина...

Едва эта мысль возникла, как его голову пронзила острая боль, такая сильная, что он захотел просто отключиться, но мозг отказался подчиниться и бодрствовал, позволяя ему в полной мере насладиться болью.

Он попытался перекатываться, чтобы унять боль, но тело отказывалось слушаться, поэтому ему оставалось лишь беспомощно зажмуриться от боли. Словно тысячи игл одновременно вонзались ему в голову, в сознании продолжали всплывать обрывки воспоминаний, и он знал, что они определённо не его.

Увидев его в таком состоянии, женщина вздрогнула и встревоженно вскрикнула: «Сол! Сол! Что с тобой? Не пугай меня так!» Кажется, что-то придумав, она поспешно выбежала из того, что можно было назвать соломенной хижиной, поскольку та была сложена из дерева, сена и звериных шкур.

С другой стороны, спустя, казалось, целую вечность, боль наконец начала утихать. Не исчезла совсем... просто ослабила хватку ровно настолько, чтобы позволить ему наконец снова вздохнуть.

Из его лёгких вырвался быстрый, прерывистый выдох, и он попытался отдышаться.

К этому моменту всё его тело было мокрым от пота. Каждая мышца пульсировала, будто её поджарили на открытом огне. Его слегка загорелая кожа побагровела, а вены всё ещё пульсировали от той космической дряни, через которую он только что прошёл.

Он уставился в потолок, его грудь вздымалась и опадала, а сердце всё ещё колотилось, как старый двигатель, отказывающийся глохнуть.

Выдох.

Звук был наполовину облегчением, наполовину неверием.

Целую долгую секунду он не двигался. Не говорил. Даже не думал, а лишь тупо смотрел в одну точку – его мозг всё ещё подгружал реальность.

Затем медленно, словно наполовину повреждённый файл, пытающийся перезагрузиться, воспоминания начали возвращаться... обрывочные, с глюками и в полном беспорядке.

И вместе с этим он наконец вспомнил, кто он. Где он. И самое главное... что, чёрт возьми, происходит.

Он со сложным выражением лица посмотрел на крышу над головой, потому что она была не из бетона или штукатурки, а вся из соломы и сена.

Соломенная крыша, неровная и залатанная, будто её строил кто-то пьяный. Солнечный свет проникал сквозь похожие на окна проёмы в стенах, тёплый и золотистый, ложась на его потное лицо.

Внезапно он нахмурился, и на его лице застыло беспомощное выражение, а уголок рта дёргался, словно он не мог решить, смеяться ему или паниковать.

«...Да вы, должно быть, издеваетесь».

Он пробормотал это, не зная, считать ли это своей удачей или неудачей. Хотя у него и были кое-какие догадки, но когда всё подтвердилось, это всё равно казалось настолько абсурдным, что на секунду он искренне подумал, что это какой-то предсмертный лихорадочный бред.

Но нет... всё ощущалось слишком реальным. Грубая подстилка, царапающая кожу, слабый запах золы и грязи, неторопливое жужжание насекомых снаружи – всё было несомненно реальным.

Он попытался сесть, но каждая косточка в его теле запротестовала, и его лицо побледнело от боли.

Поэтому он сдался и попытался прочувствовать своё новое тело, поскольку оно ощущалось совсем другим. Более лёгким и странно «сырым»... словно системная перезагрузка на новом оборудовании.

Он сделал ещё один вдох, устался на свои дрожащие руки и наконец издал тихий, дрожащий смешок.

Но... чего он не осознавал... или, вернее, чего не мог осознать своими смертными чувствами... так это того, что он был не один.

В самом тёмном углу хижины, где тени, словно масло, цеплялись за солому, застыло искажение. Это был не призрак и не какой-то злой зверь... а всего лишь проекция... фрагмент сознания существа, слишком могущественного, чтобы физически спуститься в этот хрупкий план, не вызвав масштабных разрушений.

Это была Она. Сущность, что вела войну между планами месяцами, а может, и годами.

Она наблюдала за мальчиком с тяжёлым чувством ответственности. Она помнила момент, когда он «умер». Она была в разгаре битвы с Тираном Пустоты. Почувствовав что-то странное, мальчик просто поднял голову, став свидетелем войны, которую не мог ни видеть, ни осознать.

Но Тиран его заметил. Для этого жестокого существа взгляд смертного сам по себе был оскорблением. Небрежным шелчком пальцев... словно человек, прихлопывающий мошку... Тиран послал вниз импульс смерти, чтобы стереть «надоедливую муравья».

Увидев это, она поспешно нанесла ответный удар. По иронии судьбы, это дало ей редкий шанс: застав отвлёкшегося Тирана врасплох, она вложила в удар всю свою мощь и убила его. Но урон уже был нанесён. Мальчик пал, его душа была разбита вдребезги из-за мимолётной злобы высшего существа.

Терзаемая чувством вины, она спустила часть своего сознания. Она отказывалась позволить невинному умереть лишь за то, что он стал свидетелем её войны. Поэтому, видя, как он умирает, она стиснула зубы и прибегла к последнему средству: влила в его тело каплю Божественной Эссенции Происхождения... бесценного сокровища, за которое бессмертные убивали друг друга... волей заставляя его сердце снова биться, приказывая его разбитой душе восстановиться.

Но чего даже она не знала, так это того, что изначальная душа была мгновенно уничтожена в тот самый момент, когда тиран начал действовать, и по какой-то странной иронии судьбы в образовавшийся вакуум проскользнула новая душа из другой вселенной, как раз когда её Эссенция укоренилась.

И вот теперь, наконец, наблюдая, как Сол встаёт, видя, как его грудь вздымается и опадает, и как божественная эссенция происхождения сливается с его костями, телом и душой, переписывая его потенциал со «смертного» на нечто... безграничное. Она испустила безмолвный, метафизический вздох облегчения. «Он жив», – беззвучно пронеслось в её сознании.

«Мой долг уплачен. И эта Эссенция восстановит его... сделав сильнее, чем любой смертный имеет право быть».

Она смотрела на него со смешанными чувствами, не ожидая, что одна из самых ценных вещей в мире в конечном итоге попадёт в руки этого смертного. Но она не сожалела, поскольку не могла пойти против своей совести, что было бы для неё ещё хуже, и, самое главное, он дал ей шанс убить Тирана Пустоты, а это заслуживало гораздо более ценной награды.

Она задержалась ещё на секунду, убеждаясь, что интеграция прошла стабильно. Удовлетворённая тем, что «мальчик» был спасён, она растворилась в тумане, возвращаясь в высшие планы и не оставляя после себя никаких следов своего существования.

Сол внезапно вздрогнул. Фантомное ощущение коснулось его груди... словно прохладная изящная рука, убирающая ладонь с его грудины.

Он моргнул, оглядывая пустую комнату. «Здесь кто-нибудь есть?»

Ответом ему была тишина. Но когда он вдохнул, в его нос ударил странный, невозможный аромат. Это был не запах грязи или болезни. Это был аромат Мороза и Голубых Лотосов... свежий, изысканный, царственный и совершенно неуместный в примитивном племени.

Он потёр грудь, прямо над сердцем, чувствуя странное, вибрирующее тепло, сокрытое глубоко внутри.

«Странно», – пробормотал он, списав аромат на галлюцинацию от боли.

«Как бы то ни было, похоже, я и вправду переродился», – беспомощно пробормотал он.

Глава 4. Доисторическая медицина

В общем, его зовут Сол... просто Сол, и ничего больше. Ни фамилии. Ни второго имени, просто короткое, простое слово, которое, по-видимому, означало «солнце», ведь родители говорили, что при рождении он был похож на маленькое солнышко. Яркое. Тёплое. Полное жизни.

Они хотели, чтобы солнце благословило его, защитило, направило. Поэтому они просто назвали его Сол, что означает «солнце».

Да, имена в эту эпоху такие незатейливые.

Милая история.

Но, по крайней мере, имя было неплохим.

И, как вы уже знаете, наш паренёк – гордый попаданец. Да, тот самый избитый троп.

Не то чтобы это сейчас было чем-то редким или предметом для гордости... честно говоря, это впечатляет не больше, чем владение телефоном с треснутым экраном – неловко, но пользоваться можно. Потому что попаданцы в наши дни так же редки, как придорожные камни, точнее, они, блять, повсюду, в каждом втором романе теперь есть попаданец. На самом деле, ими забиты целые библиотеки веб-новелл.

Каждый третий протагонист просыпается с божественной родословной, бесконечными системами или десятью жёнами, стоящими в очереди за его перерождённой задницей. Всё стало настолько плохо, что половина читателей вроде вас просто закрывают вкладку, как только видят слова «Я очнулся в другом мире».

Но всё же... вот он.

Ещё один. Ещё один бедолага, который умер самым тупым способом и каким-то образом попал в исэкай, а не был стёрт.

Но в чём настоящая загвоздка?

Дело не в самой реинкарнации.

А в том, куда он попал.

Потому что это не один из тех навороченных сеттингов вроде «магических королевств» или «научно-фантастических империй», где ты просыпаешься аристократом, принцем или даже крестьянином с системой или каким-нибудь абсурдным читом.

Нет.

Его занесло в первобытный мир.

И не в тот, что в духе «а, ну да, набедренные повязки и каменные хижины», какой показывают в ленивых фэнтези-историях.

Речь идёт о доисторической эпохе. О настоящей Палеолитической эре.

Для тех из вас, кто прогуливал школу или забивал на учёбу, как я... это то время, когда люди не «строили нации».

Они были заняты тем, что пытались не быть съеденными чем-то с мехом, когтями и огромным брюхом.

Тут могли быть племена, копыта и огонь... если повезёт, а если нет – то ты совсем один в пещере. Жизнь здесь состояла из охоты, кровопролития, чьей-то смерти, а затем повторения всего этого снова.

Не было ни бетонных домов, ни металла, ни земледелия, ни Вай-Фая, ни аниме, ни похабных новелл, ни цивилизации, точка.

Лишь бескрайние доисторические леса, гигантские твари и природа, которой было абсолютно насрать, выживешь ты или умрёшь.

Так что да, «попаданец» он или нет, но сейчас Сол не особо-то чувствовал себя избранным.

Потому что он не переродился вождём племени, каким-нибудь скрытым гением или даже охотником с особой системой – по крайней мере, пока, так как он и вправду не слышал никакого «дзынь».

...

Он был просто парнем, заброшенным в доисторическую версию ада, вдыхающим дым и грязь в окружении мира, который хотел прикончить его ещё до завтрака.

Он снова выдохнул, голос был хриплым и сухим.

– Отлично. Из всех временных линий мне досталась та, где люди – просто закуска...

На этом моменте его внутренний монолог резко прервался, потому что вернулась та самая горячая милфа, и на этот раз с другой, не менее сногшибательной милфой с белыми волосами – не седыми, как у стариков, а скорее естественно белёсо-серебристого цвета.

Эти две потрясающие женщины, излучающие безошибочную ауру зрелой привлекательности, вновь появились в его поле зрения. Первая, без сомнения, была императрицей изгибов, ходячим воплощением раскалённого желания. Но его взгляд был в равной степени пленён и второй – она была видением ледяной элегантности, прекрасно контрастирующей с её безупречной, фарфоровой кожей, идеальным холстом для её безукоризненно мягких черт.

И хотя её бубсам, возможно, не хватало преувеличенных размеров её предшественницы, в её изгибах всё же была некая дикая, незабываемая притягательность, от которой по его спине пробегали мурашки.

Но не это было главным, основной проблемой было то, что только сейчас он по-настоящему сосредоточился на их нарядах. Provocационная одежда, в которую они были одеты и которая по-настоящему захватила его воображение... набедренные повязки из рваных звериных шкур и гибких древесных волокон облегли их стройные тела, создавая хрупкий баланс между прикрытием и похотливым обнажением.

Хотя они и не так уж много открывали, по сравнению с современной одеждой их наряды почти не оставляли простора для воображения, выставляя напоказ подтянутые животы, длинные, стройные ноги и изящные руки в откровенной демонстрации первобытной, плотской красоты.

Даже воздух, казалось, сгустился от предвкушения, когда появились эти две богини, их присутствие было подобно зову сирены, призывающему предаться необузданным, чувственным плотским утехам.

Его девственный мозг, перегруженный этой интенсивной симуляцией, казалось, на мгновение завис.

Потому что он действительно впервые видел женщин в такой откровенной одежде, а тем более таких убийственно горячих милф, в них была первобытная, необузданная притягательность, с которой современные женщины и мечтать не могли сравниться.

Он моргнул. Раз, потом другой, но они всё ещё были здесь, всё ещё казались нереальными.

– Ладно, – пробормотал он себе под нос, – значит, в загробной жизни, по-видимому, прилагаются племенные супермодели. Буду знать.

Не дав ему времени на дальнейшие размышления, обе женщины поспешили внутрь с озабоченными выражениями на лицах.

Беловолосая двинулась первой. Вблизи она выглядела ещё более чарующе... спокойная, но в то же время с пронизательным взглядом, каждое её движение казалось выверенным. Если смуглая женщина излучала энергию, подобную огню, то эта была холодной водой... уверенной, сосредоточенной, точной.

Он попытался притвориться, что не видит их, полуприкрыв глаза и тяжело, глубоко дыша. Но, честно говоря, это было не совсем притворство... боль всё ещё молотом била по мозгам, та самая, которую он пытался подавить с самого начала, она впивалась в его голову,

словно что-то пыталось просверлить себе путь внутрь. Каждый вдох давался с трудом, грудь дрожала, а тело было мокрым от пота.

Беловолосая женщина опустилась на колени рядом с ним, осматривая его, как раненое животное, которое могло умереть в любую секунду. Она пробормотала что-то другой женщине... грубыми, ритмичными звуками, не похожими ни на один язык, который он когда-либо слышал.

Затем она залезла в мешочек, висевший у неё на бедре, и что-то достала... листья, травы и, возможно, растёртые корни, смешанные в пасту. Как ни посмотри, эта штука выглядела... сомнительно. Странная зелёно-коричневая смесь, будто кто-то смешал мох с отчаянием.

«О, отлично», – слабо подумал он, – «доисторическая медицина. Это добром не кончится».

Прежде чем он успел что-либо сказать или сделать, женщина зачерпнула немного смеси пальцами и наклонилась ближе. Её вторая рука скользнула ему под челюсть, слегка приподняв его голову.

А потом... она просто скормила это ему.

Он хотел было сопротивляться, ни за что на свете он не поверил бы, что с ним всё будет в порядке, проглотил он эту странную смесь, но увы, даже если бы он попытался, он не мог пошевелиться, его тело всё ещё было тяжёлым, не слушалось, каждая конечность была отключена от команд. Всё, что он мог делать, – это лежать и беспомощно существовать, пока таинственная паста спускалась по его горлу.

Мысленно он уже отчаялся и приготовился к какому-нибудь странному, горькому вкусу, но... даже подождав некоторое время, его мозг не зафиксировал ничего подобного.

И на удивление... на вкус она оказалась не ужасной.

Напротив, вкус был резким, землистым, немного мятым... как у измельчённых трав с нотками дыма и металла, а под всем этим чувствовалась слабая сладость, что-то цветочное, может, ягоды или древесный сок.

Было даже прохладное покалывание, которое распространилось по горлу и осело в груди. Странно, но не отвратительно, и на удивление освежающе для чего-то, что выглядело как болотная грязь.

Под бдительными и обеспокоенными взглядами двух женщин начало происходить нечто действительно странное.

Разрывающая головная боль, которая впивалась в его череп с самого пробуждения, наконец, начала утихать. Стучащая боль за глазами смягчилась, затем притупилась, а потом и вовсе исчезла. Его сморщенное лицо медленно расслабилось само по себе, дыхание выровнялось, и впервые с момента пробуждения его тело не горело огнём.

И тепло начало расходиться по всему его телу... медленное, ровное и живительное.

Оно началось в груди и разошлось наружу, наполняя каждую конечность странной, спокойной энергией. Его мышцы перестали дёргаться, пальцы разжались. Ощущение было почти блаженным... словно человеку, умирающему от жажды посреди пустыни, вдруг дали ведро холодной воды.

Он не знал, что это, чёрт возьми, за зелёная дрянь, но она сработала.

И сработала просто чудодейственно.

Обе женщины переглянулись. Смуглая слабо улыбнулась, в её тёмных глазах промелькнуло облегчение. Беловолосая тихо вздохнула, убирая прядь волос за ухо.

Затем они заговорили. Их голоса были низкими и мелодичными, слова – грубыми и незнакомыми, полными щелчков и раскатистых тонов. Сол не понимал ни слова. Но сам ритм, то, как говорила беловолосая, а другая кивала... говорило ему обо всём. Казалось, беловолосая давала смуглой какие-то указания.

Он пытался слушать, пытался не заснуть и наблюдать за происходящим, но его веки стали невыносимо тяжёлыми. Тепло внутри него превращалось в сонливость, тяжёлой волной утягивая его на дно. Края мира начали расплываться, тая в мягких цветах и гулких звуках.

Последнее, что он увидел, прежде чем его зрение снова померкло, была серебряная женщина, смотрящая на него сверху вниз и что-то шепчущая, чего он не понимал... её голос был спокойным, словно колыбельная, эхом отзывающаяся в его сознании.

Затем всё снова погрузилось во тьму.

Глава 5. Фрагменты памяти

Потеряв сознание, он не то чтобы хорошо выспался.

Да что там, это и на обычный отдых не походило... скорее, будто его накрыло передачей файлов или, может быть, обновлением системы... Знаете, из тех, что запускаются без спроса, вешают экран и заставляют гадать, включится ли твой комп вообще.

Вот только это был не компьютер. А его мозг.

И что бы, чёрт возьми, там ни происходило, ощущалось это... неправильно.

Понимаете, обычно человеческий мозг каждую ночь проводит тихое техобслуживание... медленно перенастраивая себя, упорядочивая воспоминания, дефрагментируя мысли. Всё спокойно и деликатно.

Но в этом случае?

Словно кто-то впахнул данные за многие годы в одну-единственную грубую загрузку.

Данные хлынули потоком. Образы. Звуки. Запахи. Всё и сразу.

Чужие воспоминания продолжали вливаться в его череп, словно кто-то пытался установить новую операционную систему на уже убитое железо.

Где-то в этом глубоком, туманном полусне реальность начала переписывать сама себя. Различные фрагменты воспоминаний проносились за его веками, перекраивая чужие мысли, смешиваясь и сливаясь, подобно битым файлам, пытающимся восстановиться.

Постоянный глухой гул, казалось, заполнил его голову, а затем —

Вспышки цвета, как в тех психоделических фильмах, звуки, незнакомые голоса – всё это начало втискиваться в его голову.

В этот момент его разум уже даже не спал. Он скорее обрабатывал и загружал информацию.

Он пытался думать, говорить, вырваться из этого состояния, но его сознание было заперто. Ощущение, будто попал в ловушку во время перезагрузки сервера... всё осознаёшь, но не можешь ничего ни сделать, ни остановить.

Постепенно гул становился всё резче и резче, на миг ему показалось, что он вот-вот сойдёт с ума – шёпот, разговоры, пение, крики наслаивались друг на друга, словно десятки, сотни людей говорили одновременно и невпопад.

Постепенно он, казалось, начал что-то понимать, но в то же время – ничего, затем стал почти разбирать слова, имена, эмоции – короче говоря, всё.

Затем внезапно поток информации хлынул прямо ему в мозг... и тогда...

Языковой пакет успешно установлен.

Ну, или, по крайней мере, так это интерпретировал его современный прожаренный мозг.

Он не мог объяснить как, но тарабарщина, на которой раньше говорили те две женщины, начала обретать смысл... мягкие гласные, резкие согласные, ритмика первобытная, словно сама природа пыталась облечься в слова. Этот язык не был изящным, определённо не походил на английский, китайский или любой другой цивилизованный язык. Он был грубым, а может, даже сырым. Каждое предложение звучало так, будто его высекла сама природа, а каждый звук был вылеплен необходимостью выживать.

Он дрейфовал в этом пространстве, зажатый между двумя языками: тем, что он знал раньше, и тем, что казался чужим, но в то же время своим.

Язык цивилизации, что строила небоскрёбы и порождала дофаминовые зависимости.

И язык мира, что даже не знал, что такое колесо.

А вместе со словами пришли и воспоминания.

Воспоминания, разумеется, не его собственные, хлынули потоком... размытые, обрывочные, они странным образом вставляли на свои места, словно кусочки головоломки.

Лица. Имена. Места – всё, что когда-либо пережил его предшественник.

И вот тогда он понял, кем были те две женщины.

Та черноволосая горячая милфа? Её звали Лира. Его... тётя, да, самая настоящая тётя, оказывается. Свирепая, заботливая и пугающая одновременно. И, конечно же, сногшибательно красивая. Из тех, кто может забить дубиной медведя, а потом отругать тебя за то, что ты мало ешь. По крайней мере, такое впечатление она производила на его предшественника.

А та беловолосая бомба? Это была Эйра... единственная целительница племени, которую все уважали и боялись. Из тех женщин, что могли смешать случайные корни и листья и каким-то образом заставить смерть сбиться с графика. Холодный взгляд, спокойный тон, выверенные движения. Само её присутствие, казалось, могло усмирить панику.

И наконец, он...

Тело, в котором он оказался...

Это была совсем другая проблема.

Он определённо был уже не собой... не легендой фапа из современного мира, не дегенеративным знатоком похабной литературы.

Это тело принадлежало кому-то другому.

Молодому соплеменнику по имени Сол из племени Осари... одного из многих кочевых племён, скитающих по самому южному краю этого мира, обширной земле, известной как Оссуария.

Судя по тем крохам, что предлагали воспоминания, Осари не сильно отличались от бесчисленных других племён. Они перемещались со сменой времён года, охотились, собирали, выживали, следовали за добычей, гнались за теплом, кормились от земли, словно дикие звери, блуждающие по дикой местности. И, конечно же, без цивилизации, без городов и всего в таком духе.

Лишь люди и природа в бесконечном перетягивании каната.

У них не было инструментов, кроме камня и кости, да кое-какой домашней утвари, изготовленной с помощью ткачества и гончарного дела.

А сама Оссуария?

Это был зверь совсем иного толка.

Даже в обрывочных воспоминаниях её масштабы ошеломляли, хотя примитивный мозг его предшественника вряд ли понимал подобные вещи.

Он помнил, как слышал из уст старейшин рассказы о ней – о мире столь огромном, что у него не было конца. Горы, пронзающие облака, леса, простирающиеся до самого горизонта, звери настолько большие, что истории о них звучали как полная чушь, но на самом деле они были реальны.

Никто не знал истинных размеров этого мира, по крайней мере, в их племени – точно.

Это был поистине мир без границ, без карт... и без пощады.

А затем пришли более тёмные фрагменты.

Веки Сола дёрнулись во сне, но воспоминания продолжали бесцеремонно вливаться в его сознание.

И он наконец-то получил ответ на вопрос, как умер его предшественник.

Прежний владелец тела... первоначальный Сол умер в... ну, в глуши. Не в пятизвёздочном же отеле ему было помирать.

Кхм...

Возвращаясь к теме, это был обряд посвящения, который пошёл не по плану.

Это должна была быть его первая одиночная охота – та, которую каждый юноша в племени должен был пройти, чтобы заслужить право охотиться за пределами племени.

Но, к несчастью (или к счастью для нас), что-то пошло не так. Он не знал, что именно, поскольку не нашёл никаких связанных с этим воспоминаний.

Его нашли на следующий день, полумёртвого, и принесли обратно охотники, которые думали, что он не доживёт до утра. Что ж, технически он дожил, но какой ценой...

Глава 6. Торнмо

Честно говоря, это была чистая удача, что его вообще нашли целым. А может, судьба. Кто знает.

И, судя по воспоминаниям, это была далеко не первая трагедия. Подобное здесь, в Оссуарии, было обычным делом, и жизнь ценилась не больше, чем использованный и выброшенный клочок бумаги.

А в более глубоких воспоминаниях он нашёл ещё более тревожные фрагменты... всего год назад племя Осари было почти полностью уничтожено.

Это был внезапный набег племени Ворах – более сильного и жестокого народа с дальнего севера. Подобно Осари, они тоже были кочевым племенем, и, проходя мимо, наткнулись на их стоянку и положили глаз на их охотничьи угодья, изобиловавшие дикими животными.

Воины племени Ворах были захватчиками, превосходящими числом и более искусными в убийстве. И напали они ночью, без всякого предупреждения, словно тени... быстрые, безжалостные, вооружённые каменными топорами и копьями.

Это, разумеется, застало их врасплох, и вскоре многие соплеменники, пытавшиеся сопротивляться захватчикам, были безжалостно вырезаны, включая его собственных родителей. Точнее, отец погиб, защищая племя, а мать – защищая его. Единственная причина, по которой он выжил, – его спасла тётя Лира, не пожалевшая ради этого собственной жизни.

Воспоминания о том дне отдавались эхом в его сознании: воздух был наполнен криками, кровью и огнём. Отвратительный запах крови, разорванные тела, падающие мужчины и женщины, бегущие с детьми, – всё это было ещё свежо в его памяти.

И в тот самый миг, когда уже казалось, что Осари исчезнут с лица этого мира, судьба совершила ещё один виток – жестокий, абсурдный и по-своему прекрасный.

Этот виток явился в облике монстра.

Не просто какое-то клыкастое и когтистое существо... а огромный, доисторический хищник.

Племена называли его Торнмо... хотя, по правде говоря, ему не нужно было имя. Это был кошмар на четырёх лапах... нечто огромное и широкое, словно помесь доисторического медведя с доисторическим львом.

Шипастая шерсть на его шее стояла дыбом, плечи перекатывались под шкурой цвета тёмного крупного песка. Голова казалась высеченной из камня, а в пасти виднелись костяные лезвия, созданные для того, чтобы разрывать плоть.

Оно внезапно вышло из леса, беззвучно и без предупреждения. Но, возможно, из-за своей хищнической гордости, подойдя к племени, оно даже не потрудилось спрятаться и громко зарычало, заявляя о себе.

От этого внезапного рёва всё поле боя замерло... Ещё миг назад здесь царили истошные вопли и полыхал огонь, а в следующий... воцарилась полная тишина.

Даже налётчики из племени Ворах замерли на полувзмахе, их пропитанное кровью оружие недоверчиво застыло в воздухе.

Зверь взревел снова, а затем без малейших колебаний устроил кровавую резню.

Никто не знает, как и почему он сюда пришёл, ведь это не было его средой обитания. Возможно, его привлёк запах крови, а может, он просто проходил мимо.

Так или иначе, когда зверь атаковал, первыми удар приняли на себя ублюдки из племени Ворах, поскольку они находились на самом краю лагеря, ближе всего к монстру. А может, они просто показались ему крупнее и аппетитнее.

Воспоминания о том, что было дальше, были просто хаосом.

Кровь, пыль, тени, рёв, разорванные тела – всё это впечаталось в его разум.

Тварь двигалась, словно ожившее здание: её размеры были слишком огромны, чтобы в них поверить, а скорость – слишком высока, чтобы её постичь.

Его утробный рык, казалось, разрывал сам воздух и мгновенно обращал в прах любые мысли о сопротивлении.

Первый человек не успел даже вскрикнуть... миг – и он здесь, другой – и от него осталась лишь половина, обращённая в кровавую пыль.

Другого отшвырнуло в сторону, и его тело хрустнуло, ударившись о корни упавшего дерева, будто он был тряпичной куклой.

Его когти достигали в длину полфута – полувтяжные лезвия, что вспарывали плоть, как мокрый пергамент.

Каждый удар ломал кости. Каждый укус отнимал жизнь.

Кровь хлестала во все стороны, окрашивая воздух багровой дымкой.

Всюду, где оно проходило, оставались лишь кровь и обрывки тел.

Но, разумеется, племя Ворах тоже было не лыком шито. Выжившие в дикой местности, они обладали значительной силой, а потому ответили – дико и отчаянно. Дикие земли научили их, что от такого чудовища не убежать, так почему бы не отдать все силы ради шанса выжить? Они метали копья, издавали боевые кличи и пытались окружить монстра.

Но перед этим громадным зверем их сила была сродни попыткам ребёнка драться со львом.

Их сила, их дисциплина, их ярость... всё это не имело значения перед тем, кто был рождён совершенной машиной для убийства.

Зверь разрывал их на части, будто сами законы выживания были к нему неприменимы.

Разлетались конечности.

Лица искажались от ужаса.

Земля стала скользкой от крови.

Каждый вдох был пропитан запахом железа и дыма.

Но, как говорится, в единстве – сила; после целой ночи боя и беготни им наконец удалось серьёзно ранить зверя. В его плече торчали копья, бок рассекали глубокие раны, а один глаз заплыл кровью.

И всё же оно не отступило. Оно уставилось на выживших, оскалив усеянную лезвиями пасть и словно вызывая любого желающего попробовать ещё раз.

Разумеется, никто не посмел.

Увидев это, зверь спокойно сел и, ничуть не беспокоясь, принялся за еду. Какое-то время в воздухе стояли лишь влажные, мерные звуки зубов, перемалывающих то, что раньше было людьми.

Оно пожирало изувеченные тела, словно это были всего лишь объедки. Плоть, кости, шкура... для него всё было одинаково.

Спустя какое-то время, показавшееся вечностью, оно наконец насытилось и подняло голову. С его пасти густыми, ленивыми струями стекала кровь.

Оно бросило на остатки племени последний взгляд и гордо ушло прочь.

Формально племя Ворах выжило, если это можно так назвать, но цена была огромной. Их победа утопала в их собственной крови, а от прежней численности не осталось и четверти.

А что же племя Осари? Они, разумеется, без колебаний бросились бежать и прятаться. Это была их родная земля, так что в этом отношении у них, очевидно, было преимущество.

Увидев, что зверь ушёл, они медленно выбрались из своих укрытий. Теперь силы племён были почти равны, так что в итоге Ворах, поджав хвост, обратились в бегство. Разумеется, не без того, чтобы оставить позади ещё несколько трупов, на которых отыгрались Осари.

Так что да, племя Осари... пережило ту ночь. Едва-едва.

Но, по правде говоря, «выжило» – это было слишком громко сказано.

Потому что в тот день погибли почти все боеспособные мужчины, остались лишь женщины и дети.

С тех пор племя медленно угасало... меньше мужчин, меньше охотников, меньше шансов.

Казалось, сама земля отвернулась от них.

Это также было причиной, по которой предыдущий Сол осмелился в одиночку отправиться в дикие земли: он хотел проявить себя как достойный охотник и добыть дичь.

Но, разумеется, он не преуспел и пал замертво по причинам, которые ему пока были неясны, так как воспоминания о том моменте отсутствовали.

Так какой же урок мы извлечём из этого, детишки? Неважно, насколько мрачна ситуация или как отчаянно обстоят дела, никогда не переоценивайте свои силы. Иначе ваш героический финал будет выглядеть точь-в-точь как его... трагично, глупо и вскоре всеми забыто.

Ладно, на чём мы там остановились?

А, да.

И вот теперь, по какой-то извращённой прихоти, вселенная решила закинуть сюда его.

Парня, чьим величайшим достижением было то, что он одиннадцать часов подряд беспрерывно дрочил.

Глава 7. Первобытный, дикий и опьяняющий

Постепенно приходя в себя, первое, что он заметил – это тёплый свет предвечернего солнца, пробивающийся сквозь стену хижины и окутывающий его.

Он выдохнул – долгий, прерывистый выдох, который, казалось, нёс в себе тяжесть двух жизней. Голова всё ещё слегка побаливала, но на этот раз не от боли, а от воспоминаний. Слишком уж много воспоминаний.

Он попытался пошевелиться, но тело всё ещё было скованным и слабым. Вздохнув, он медленно повернул голову и увидел, что у стены сидит, скрестив ноги, его «тётя» Лира и плетёт корзину из сухих лоз. Её руки двигались быстро, в отточенном ритме – таком, какой приобретаешь, повторив одно и то же действие тысячи раз. Лицо её было немного уставшим, но всё равно сногшибательно красивым.

На мгновение он замер, замороженный, и просто не сводил с неё глаз. Он не знал, было ли это из-за того, что она его тётя, но, чёрт возьми, она была и вправду великолепна. Намного великолепнее, чем те так называемые знаменитости из его прошлой жизни.

И тут возник очень серьёзный вопрос: почему эта первобытная женщина так чертовски хороша собой?

Разве первобытные женщины не должны быть грубыми и некрасивыми? Он порылся в памяти и обнаружил, что большинство женщин в племени были привлекательнее среднего, а многие – просто сногшибательными красотками.

Возможно, из-за того, что он смотрел слишком пристально, она вдруг повернула голову и встретилась с ним взглядом. На мгновение его сердце забилося чаще, а в горле пересохло. «Чёрт, как женщина может быть настолько красивой?»

Увидев его, она тихо ахнула и тут же вскочила с приятно удивлённым выражением лица, спеша к нему. Корзину она выронила, тут же забыв о ней, и уже через мгновение опустилась на колени рядом с ним. На её лице застыла смесь тревоги и беспокойства.

«Сол, – прошептала она тихим, но дрожащим голосом, – ты очнулся?»

Он моргнул, глядя на неё снизу вверх, и попытался что-то сказать, но в горле было сухо, словно наждачная бумага, и он невольно закашлялся.

При виде этого её глаза слегка расширились. Она поспешно встала и потянулась к глиняному кувшину в прохладном затенённом углу. Взяв стоявшую рядом глиняную чашку, она наполнила её водой, поспешила обратно и, подложив руку ему под спину, осторожно приподняла его.

Увидев это, Сол был так тронут, что почувствовал, как на глаза наворачиваются слёзы.

Чёрт... когда в последний раз кто-то так о нём заботился?

Но он всё же сумел сдержаться и поначалу делал маленькие, жадные глотки, потому что чертовски хотел пить. Затем он перешёл на большие. Вода плавно скользила по горлу, увлажняя его.

Вода была прохладной, с привкусом земли и немного сладковатой – намного лучше любой дорогой минералки, что он когда-либо пил.

Она стояла неподвижно, давая ему напиток, её дыхание было ровным, а на лице застыла озабоченность. Когда он оторвался от чашки, в нос ему ударил запах глины и её тела.

Она тут же наполнила другую чашку и снова помогла ему напиток. На этот раз он пил уже спокойно. «Тебе лучше?» – спросила она.

Он кивнул, всё ещё переводя дух. Она осторожно опустила его, вытерла край чашки ладонью и вернула её к кувшину. Все её движения были предельно аккуратными.

Глядя ей в спину, он сказал охрипшим голосом: «Тётя... я в порядке». Слова прозвучали для него самого как-то странно.

Это был определённо... его голос, но в то же время не совсем его... и это заставило его на секунду замереть. Он казался более тяжёлым, глубоким. Этот голос принадлежал этому телу, а не тому, которое он помнил.

Тем не менее, после этого слова давались ему уже гораздо легче.

«Я в порядке», – повторил он, на этот раз немного твёрже.

Плечи Лиры наконец опустились, напряжение сошло с её лица. Она выдохнула так, словно до этого не дышала несколько дней, а затем слабо ему улыбнулась.

Он снова попытался пошевелиться, и ему удалось поднять руку и, кажется, немного сдвинуть ногу, но на этом всё. Мышцы по-прежнему протестующе ныли, но на этот раз это была скорее мирная жалоба, а не яростный крик. Тело ощущалось измотанным, истощённым, словно, пока он спал, оно без остановки бежало несколько дней подряд.

Он невольно задался вопросом: какого чёрта его предыдущий «я» сделал с телом, чтобы так его угробить?

Лира наклонилась ближе и приложила тыльную сторону ладони к его лбу, словно проверяя, нет ли жара. Её кожа была прохладной, прикосновение – уверенным, и на секунду это простое человеческое тепло значило для него больше, чем он ожидал. Прошло уже много времени с тех пор, как он был в таком близком контакте с человеком, не говоря уже о женщине.

Вблизи её красота ощущалась ещё острее. Она была прекрасна так, как он раньше не замечал... сильное, сексуальное тело, тёмные глаза, способные вмиг покорить сердце. Совершенно не похожая на современных хрупких красавиц, она обладала красотой той, кто работает и выживает в дикой природе.

Но, чёрт возьми, её, казалось бы, нежное прикосновение – когда она провела тыльной стороной ладони по его горячему лбу – заставило дрожь пробежать по его спине. Её кожа была успокаивающим бальзамом на его пылающих щеках, разительно контрастируя с жаром, продолжавшим тлеть внутри него самого.

И когда она наклонилась ещё ближе, он невольно сделал глубокий вдох, и пьянящий мускусный аромат её тела окутал его. Он был первобытным, диким и совершенно опьяняющим.

Он облизнул внезапно пересохшие губы, упиваясь её видом: поцелованным солнцем сиянием её сильной, упругой кожи, тёмными глазами, в которых, казалось, таилась древняя мудрость, и полными, манящими губами, изогнувшимися в улыбке, от которой его сердце дало сбой.

Когда рука Лиры соскользнула с его лба на плечо, её пышная грудь коснулась его руки, посылая по телу искры возбуждения. Он никогда не был так близко к женщине, не говоря уже о такой сногшибательной, и её первозданная красота, казалось, исходила от каждой поцелованной солнцем поры.

Его взгляд невольно опустился на её полную, округлую грудь, туго обтянутую одеждой из звериной шкуры. И, сам не зная почему, его член начал пробуждаться, набухая от первобытной потребности, какой он никогда прежде не испытывал.

Опьяняющий аромат её зрелой привлекательности ударил его под дых, и голова закружилась сильнее, чем от любого жара. Он пытался держать тело в узде, но оно, казалось, обрело собственный разум и инстинктивно реагировало на её близость и очарование. Ощущение её прохладной кожи на его горячей плоти пронзало током, и ему пришлось подавить стон.

Глава 8. Голод по тёте

Её тёмные глаза, способные покорить сердце одним лишь взглядом, встретились с его, и на мгновение они просто уставились друг на друга, каждый погружённый в свои мысли. Его – определённо порочные, в то время как она смотрела на него с беспокойством.

Он знал, что глупо уставился, но не мог отвести от неё взгляда. Обаяние этой сильной, умелой женщины – той, что явно столкнулась и преодолела бесчисленные испытания – было почти ошеломляющим.

Её прикосновение, её запах, само её присутствие разожгли в нём глубокий, первобытный голод, раздувая пламя желаний, о котором он и не подозревал. И когда она нечаянно прижалась к нему своим мягким телом, и её грудь слегка сплюснулась о его руку, он почувствовал, что самообладание вот-вот даст трещину.

Низкое, отчаянное рычание зародилось в его горле, едва сдерживаемое. Жар, нарастающий между ними, грозил поглотить его.

Её грудь, пышная и высокая, казалось, манила его ближе. Его руки дёрнулись, жажда исследовать податливое тепло её тела, очертить контуры её изгибов, ощутить мягкую упругость её груди под ладонями. Ему до боли хотелось зарыться лицом в её волосы, вдохнуть её аромат, позволить ему пропитать всё его существо. Каждая фибра его тела кричала ему: протяни руку, коснись, завладей.

Первобытное желание завладеть ею, пометить её как свою, хлынуло в его кровь, и в ответ его член набух ещё сильнее. Он боролся, чтобы сохранить ровное дыхание, но её пьянящий аромат, хмельная смесь диких трав и женского мускуса, ошеломлял его чувства. Голова кружилась, зрение затуманивалось, пока он изо всех сил пытался сохранить самообладание.

Казалось, она ничего не замечала. «Ты всё ещё горячий», – пробормотала она, легонько коснувшись его плеча.

«Ничего», – прохрипел он. – «Просто... голова кружится».

Она нахмурилась, но спорить не стала. «Ты и вправду всех напугал. Когда мы тебя нашли, ты был холоден как камень. Эйра сказала, что тебе повезёт, если ты вообще очнёшься».

«Похоже, удача меня по-прежнему любит», – сказал он. Его голос сорвался на полуслове, пока он пытался совладать со своим бушующим членом.

На это она слегка улыбнулась. Её улыбка была нежной, полной тепла. И это тут же сломило всё то сопротивление, что он сумел собрать.

«Отдыхай», – наконец сказала она, поправляя на нём мех. – «Эйра сказала, что тебе всё ещё нужен отдых».

Он кивнул, и даже этот знак согласия показался вымученным. Он закрыл глаза, притворяясь, что засыпает, но желание, пульсировавшее в его венах, было далеко не утолено. Тепло Лирь всё ещё ощущалось, невыносимое искушение, грозившее в любой момент захлестнуть его чувства.

Жар был настоящим, но такой же настоящей была и жажда, что теперь поглощала его, – голод, которому, он знал, нельзя поддаваться, но которому не мог сопротивляться. Его тело изнывало по её, страстно желая прикосновения, вкуса, чувства принадлежности, которые могла дать только она.

Он говорил себе, что это Лира, его тётя, его спасительница, и всё же его тело, освобождённое от прежних социальных оков, теперь видело в ней лишь объект первобытного, плотского влечения, существо, которое нужно покорить и которым нужно завладеть.

Его жёсткая набедренная повязка натянулась на пульсирующем члене, а тело дрожало от первобытного, инстинктивного желания, побуждавшего его поддаться всепоглощающему порыву, что струился по венам. Его взгляд приковался к пышной, полной груди всего в

нескольких дюймах от его дрожащих пальцев, и стон желания сорвался с его губ. Потребность коснуться, завладеть, сделать её своей была всепоглощающей.

Битва, бушевавшая внутри него, походила на хождение по лезвию ножа, ведь в глубине этого первобытного, звериного желания Сол знал, что поддаться – значит положить конец той хрупкой связи, что была между ними. И всё же, обещание этой взрывной, необузданной страсти было слишком соблазнительным, чтобы устоять.

В конце концов, он сдался и решил проверить границы дозволенного.

Он вдруг состроил мучительную гримасу. Увидев это, она с обеспокоенным лицом поспешила к нему. «С тобой всё в порядке?» – спросила она, и в её голосе слышалась тревога, а пышная грудь вздымалась с каждым вздохом.

подавив стон, он сделал вид, что с трудом сглотнул, и сумел прохрипеть: «Да, не знаю, почему вдруг заболело... очень сильно».

«Где, скорее скажи мне?» – проворковала она, и от её хрипловатого голоса по спине Сола пробежали мурашки.

Он поморщился. От одной мысли, что придётся озвучить свою нужду, его бросало в дрожь. На мгновение ему захотелось отступить, но поцелованная солнцем кожа Лир и её соблазнительные изгибы манили его, словно песнь сирены.

Собрав всё своё мужество, он с умоляющим выражением лица выдал из себя слова: «Там... внизу. Очень болит, ты не могла бы мне помочь?» Его взгляд невольно опустился на пышные холмы её груди, на розовые соски, обрисовывающиеся под тканью из шкуры.

Она проследила за его взглядом, и её глаза расширились, когда он остановился на внушительной, пульсирующей эрекции, выпирающей из-под его набедренной повязки. При виде этого у него перехватило дыхание, и он замер в ожидании её ответа. Пульсирующий жар его возбуждения был неоспорим даже сквозь ткань.

«Я... я позову Эйру», – пролепетала она, поворачиваясь, чтобы уйти.

Но мольба Сола, чей голос срывался от отчаяния, остановила её на полпути. «Не нужно, всё будет хорошо и без её помощи».

Лира нахмурилась, уже наполовину привстав. «Тебе же больно, Сол».

Он сглотнул, выдавив из себя натянутую улыбку и стараясь говорить спокойно: «Я просто... кое-что вспомнил. Леди Эйра однажды научила меня способу облегчать такую боль. Я могу его попробовать».

Услышав это, она наконец замерла.

Она обернулась, её глаза сузились от беспокойства и толики недоверия.

«Эйра научила тебя?» – спросила она.

Он слегка кивнул, сохраняя серьёзное, почти умоляющее выражение лица. «Да... научила».

На мгновение Лира просто уставилась на него. Затем она тихо вздохнула, опустив плечи. Может, дело было в том, как он это сказал, а может, в его невинном страдальческом виде... так или иначе, она ему поверила.

Он всегда был близок с соплеменниками, особенно с Эйрой. Всегда любопытный. Всегда готовый слушать. Может, она и вправду его научила.

И было бы неправильно снова и снова её беспокоить.

Поэтому, помедлив, она кивнула, шагнула обратно к нему и снова села.

Глава 9. Пожалуйста, помоги мне, тётя

– Ладно, – наконец сказала она. – Говори, Сол. Чем я могу тебе помочь? – от её хрипловатого голоса у него по спине побежали мурашки.

Сол впился в неё взглядом, и, когда он наконец заговорил, его голос прозвучал смущённо и нерешительно: – Т-тебе нужно снять с меня набедренную повязку... и... и помассировать то место рукой.

– Твоё... твоё мужское достоинство? – прошептала она, слегка ошеломлённая его просьбой.

Пах Сола пульсировал в такт его бешено бьющемуся сердцу, а член ещё сильнее упирался в тесную набедренную повязку. – Д-да, тётя, – умоляюще произнёс он. – П-пожалуйста... пожалуйста, помоги мне, мне больно.

Но она всё ещё колебалась, продолжая смотреть на его яростно вставший член. Её нерешительность была объяснима, и Сол едва ли мог винить её. В этой примитивной культуре интимные части тела считались священными и предназначались исключительно для союза супругов.

Но в конце концов она подошла и опустилась на колени рядом с ним, её пальцы неуверенно замерли у завязок набедренной повязки. Глядя на неё, он затаил дыхание, а его член запульсировал в предвкушении. Наконец она кивнула и потянулась к повязке, её пальцы ловко развязали узел. Когда ткань упала, его твёрдый член вырвался на свободу, встав во весь рост.

На мгновение она застыла в ошеломлённом молчании. Его размер и степень возбуждения лишили её дара речи. Честно говоря, даже сам Сол был потрясён размером: он не ожидал, что это, казалось бы, хрупкое (по меркам примитивного мира) тело скрывает такого зверя.

Потому что он был чертовски большим. Не запредельно, но всё же очень. В нём было солидных семь-восемь дюймов, и, увидев это, Сол почувствовал одновременно и возбуждение, и облегчение. По крайней мере, в этом мире он был выше среднего.

Напряжение повисло в воздухе, пока взгляд Лиры скользил по всей длине его твёрдого члена, а её пухлые губы приоткрылись в изумлении. Он практически чувствовал, как расширяются её зрачки; казалось, вид его возбуждения пробудил её женскую сущность.

Его руки дёрнулись, так ему хотелось дотянуться и завладеть этими спелыми холмами, зарыться лицом в сладкую ложбинку между ними.

Когда она робко потянулась, чтобы коснуться его, его дыхание участилось, и тихий стон сорвался с его губ в тот миг, когда её рука наконец коснулась его чувствительной плоти. Поначалу её движения были неуклюжими, ясно показывая неопытность. – Да... в-вот так, – подбодрил он, выгибаясь телом навстречу её прикосновению, пока волны удовольствия захлёстывали его.

Услышав это, она принялась медленно ласкать его член. Её прикосновения, смесь мягкости и грубости, казалось, плавил его, вырывая с его губ вздохи удовольствия.

Его взгляд снова скользнул к её груди, которая в её позе на коленях казалась ещё более выразительной, и его руки возжаждали дотянуться, чтобы приласкать, ущипнуть и присосаться к соблазнительным холмикам.

Его разум помутился, поглощённый первобытным желанием сделать тело Лиры своим. Он почти ощущал её сладость на вкус, чувствовал бархатистую нежность её бёдер, которые он раздвигал руками. Сама мысль о том, чтобы погрузиться в её тепло, услышать её страстные крики, эхом разносящиеся по дому, заставляла его член пульсировать ещё яростнее.

Но увы! Его тело было слишком слабым и непослушным, за исключением бушующего члена, что оставляло его полностью в её власти.

Поэтому он снова сосредоточился на чувственной атаке на свой член, на кончике которого выступила капелька смазки. Она старательно продолжала ласкать его с предельной осторожностью, и его член набух ещё сильнее, удостоившись её вопросительного взгляда.

Она неуверенно взглянула на него – её пальцы, лежавшие на его стволе, слегка дрожали. – Это совершенно нормально, пожалуйста, продолжай, – выдохнул он низким, хриплым голосом, а его член запульсировал от нужды под этим невинным и в то же время распутным прикосновением.

Она кивнула и снова сосредоточилась на том, чтобы доставить ему удовольствие рукой, сама того не зная.

Внезапно её хватка стала слишком крепкой, и он невольно поморщился, затаив дыхание. – Нежнее... тётя... чуть нежнее. – Она поспешно ослабила хватку, и он стал направлять её, обучая ласкать более мягко.

– Прости, у меня слишком грубые руки... Т... так правильно? – спросила она, сосредоточенно нахмутив брови. – Этим должна была заниматься Эйра, у неё руки нежные, как летний ветерок. – Услышав это, он представил, как Эйра ласкает его член. Мысль об этих руках целительницы, с нежной точностью поглаживающих его, пронзила его вспышкой похоти, и на мгновение он вообразил, как жёстко и глубоко трахает целительницу Эйру, пока она не закричит его имя.

От одной этой мысли он тяжело сглотнул, но, когда его взгляд упал на женщину перед ним, он испытал ещё большее удовольствие. Кто бы мог подумать, что настанет день, когда такая красивая женщина будет ласкать его член, да ещё и с таким нежным и заботливым выражением лица. В любом случае, шанс насладиться Эйрой ещё представится, а пока насладимся моей дорогой тётей.

Его разум кружился от открывшихся возможностей. Он жаждал погрузить свой член в её тёплую киску, почувствовать, как её узкое, влажное тепло поглощает его. Но он знал, что такая близость запретна, по крайней мере, пока. Вместо этого он решил немного поднять ставки и предложил: – Так будет слишком долго, тётя. Пожалуйста, используй свою слюну. Плюнь на него, а потом снова погладь.

Женщина, казалось, была озадачена его просьбой. Она повернулась к нему с растерянным выражением лица, но, увидев его невинный вид, сдалась – любопытство и желание помочь взяли верх. Она наклонилась вперёд, и её тёплое дыхание коснулось его члена, пока она смачивала губы языком.

Робким движением она плюнула на его ствол, и вязкая струйка слюны блеснула в угасающем свете. Он заворожённо смотрел, как её рот проследил путь плевка, а язык метнулся, чтобы поймать капельки. Его разум заполнили запретные фантазии о том, как он поставит её на колени и погрузит свой член глубоко в её горло, пока она не начнёт давиться, упираясь носом в его таз.

Но увы! Было ещё слишком рано. Он всё ещё плохо знал этот мир и не хотел рушить грандиозные планы из-за своего импульсивного поведения.

Как бы то ни было, сочетание её скользкой слюны и твёрдых движений было поистине изысканным, посылая дрожь удовольствия по всему его телу. У него слегка закружилась голова, чувства обострились до предела. Её пальцы всё ещё были неуклюжи, но слюна послужила идеальной смазкой, позволяя ей с лёгкостью скользить вверх и вниз по его стволу.

Глава 10. Господство и разврат

Что же до того, почему он с такой лёгкостью совершил столь аморальный и развратный поступок, так это потому, что в своих воспоминаниях он сделал немало шокирующих открытий. Одно из самых поразительных заключалось в том, что в этом мире не существовало границ морали и стыда, связанных с сексуальной близостью.

Местные жители в своей повседневной жизни могли без тени сомнения заниматься самыми откровенными вещами, не обращая внимания на присутствие семьи или кого-либо ещё.

Для них секс был священным ритуалом, первобытным актом единения, нацеленным исключительно на зачатие следующего поколения. Сам акт, лишённый романтики или чувственного наслаждения, рассматривался как простая биологическая необходимость. Мысль о том, чтобы получать удовольствие или упиваться таким актом, была озадачивающей, даже непостижимой.

Эта уникальная динамика обеспечивала уровень сексуальной раскрепощённости, невозможный в его родном мире, делая границы между моралью и развратом размытыми и несущественными. Именно поэтому он пошёл на риск. А что до пределов? Их ему предстояло проверить самому, ведь когда дело касалось подобных вещей, его прежнее «я» было чистым листом.

Продолжая водить ловкими пальцами по его напряжённой длине, она становилась всё увереннее. Видя, как он наслаждается, когда она ласкает сильнее, её прикосновения становились более лихорадочными, а хватка – крепче. Она была словно художник, маэстро плотских утех, а он – её податливый холст. Каждое движение, каждый поворот посылали по нему волны удовольствия, вознося его на головокружительные высоты экстаза.

Его дыхание срывалось на прерывистые вздохи, тело напряглось, как тетива лука, готовое вот-вот лопнуть. Он изо всех сил старался сдерживаться, чтобы продлить мгновение, но увы, с судорожным стоном он наконец извергся. Его горячее, густое семя хлынуло потоками, покрывая её лицо и грудь своей липкой субстанцией.

Она застыла, на её лице отразилось недоверие, когда она уставилась на странную склизкую жидкость, стекающую с её подбородка. «Что... что это?» – пролепетала она, её голос дрожал от шока. Хоть он и был на седьмом небе от счастья, его охватила вспышка эйфории от её реакции. Его оргазм ещё больше усилился при виде её невинного и растерянного лица. Он осознал, что она, скорее всего, не имела ни малейшего понятия об этом первобытном и фундаментальном аспекте мужской биологии.

И из своих воспоминаний он узнал, что сперму здесь считали лишь разновидностью мочи. Но он-то знал правду: это обильное извержение было самой сутью его удовольствия, физическим проявлением его самых сокровенных желаний.

Тем не менее он попытался объяснить ей суть, чтобы облегчить будущие действия. В конце концов, в этом мире не существует такого понятия, как сексуальный стыд.

«Это... это то, что происходит, когда телу мужчины очень-очень хорошо. Высвобождение накопившегося напряжения, которое приносит и облегчение, и радость», – сумел выдохнуть он, его разум всё ещё мутился от мощи извержения. Она внимательно слушала с благоговейным выражением на лице, словно он поделился с ней какой-то глубокой истиной.

Она кивнула, всё ещё явно озадаченная, но не осуждающая. «Понятно», – сказала она, стирая большим пальцем дорожку его спермы с лица. – «Теперь ты в порядке?»

Он энергично кивнул, и на его лице расплылась яркая, ошеломлённая ухмылка. «Спасибо, тётя. Больше не болит». Услышав это, она улыбнулась шире, и в её голосе появилась нотка гордости, когда она сказала: «Если снова так себя почувствуешь, просто дай мне знать,

хорошо? Я тебе помогу». То, как она это произнесла, с оттенком гордости и щедрой улыбкой, заставило его обмякший член дёрнуться с новым интересом.

Глядя на её забрызганное спермой лицо, сияющее от чувства выполненного долга, его охватило всепоглощающее чувство удовлетворения. В этот миг, когда она проявляла о нём такую нежную заботу, он знал, что сделает всё, чтобы доставить ей удовольствие, чтобы снова и снова вызывать эту сияющую улыбку на её губах, хотя больше всего ему, несомненно, полюбитя именно эта, испачканная спермой.

А запретная природа их отношений лишь усиливала остроту удовольствия. Ему не терпелось исследовать множество других чудес и тайн, которые таило в себе человеческое тело, вместе с ней.

Когда он снова устроился на своём ложе из шкур, странное ощущение пробежало по его скованным конечностям. Сначала оно было едва заметным, но постепенно усиливалось.

К его изумлению, тяжёлая вялость, сковывавшая его с момента переселения, начала таять, сменяясь покалыванием, которое пробегало по конечностям и позволяло ему немного двигаться. Но он всё же решил ещё немного попритворяться, чтобы под предлогом боли зайти ещё дальше.

Но всё же, чтобы подбодрить её, он слегка пошевелился. Внезапно став свидетельницей этого поразительного изменения, его тётя смотрела на него со смесью недоверия и трепета. Она ещё глубже убедилась, что необычная техника, которую она применила – её умелый массаж рукой – действительно стала катализатором этого необычайного явления.

Глядя на выражение её лица, он понял, что преуспел. Но, оставив это в стороне, он и сам был не меньше удивлён и рад открытию этих странных эффектов, а его разум лихорадочно перебирал различные причины и возможные последствия.

Немного поразмыслив, он пришёл к выводу, что единственной причиной могло быть только недавнее извержение. И хотя это казалось ему немного невероятным, он всё же не мог в это не верить.

«Чёрт, если уж возможна такая абсурдная вещь, как переселение, то почему бы и этому не быть правдой? Может, это и есть мой стандартный чит, полученный при переселении», – чем больше он думал, тем логичнее это казалось.

Это открытие могло значительно ускорить его выздоровление, потенциально позволив ему вернуться к своим странствиям раньше, а не позже. И только подумать, теперь у него была не одна, а мириады прекрасных женщин из племени, жаждущих, чтобы он объявил их своими. Одна только мысль об этом послала дрожь предвкушения по его ожившему телу.

И если он действительно сможет становиться сильнее таким образом, то этот примитивный мир окажется не таким уж и плохим местом для переселения. Возможно, это даже благословение.

Снова взглянув на Лиру, Сол, несмотря на непреодолимое желание отбросить всякую осторожность и овладеть ею прямо здесь и сейчас, знал, что должен действовать сдержанно. В этом мире секс был священным актом, к которому нельзя было относиться легкомысленно. Ему придётся не торопиться, постепенно подходя к более плотским утехам со своей тётей.

Но осознание того, что его тётя, обычно чопорная и правильная особа, теперь стала его личным сексуальным наставником, всё равно наполняло его острым чувством восторга и возбуждения.

Лёжа в постели, он представлял себе удовольствия, которые ждали его с другими женщинами. Он знал, что дни его девственности сочтены, и впереди его ждёт новая эра доминирования и разврата среди соплеменников.

Глава 11. Гигиена и заблуждения

Не подозревая о его мрачных мыслях, Лира посмотрела на его блаженно расслабленное тело и нахмурилась, заметив, что оно было потным и липким.

Даже на расстоянии она чувствовала застарелый, липкий запах. Её брови сошлись на переносице, ведь здесь понятие гигиены было не привычкой, а сродни закону.

Инстинкт выживания, вшитый в их кости.

Сол заметил, как она нахмурилась, и внутренне поморщился.

– ...Ох-ох. У меня проблемы, – пробормотал он себе под нос.

Она не ругала его и ничего не говорила, потому что в этом не было его вины, ведь последние несколько дней он был без сознания.

Без единого слова, с отточенной осторожностью она подсунула руку ему под плечо и помогла сесть.

Она двинулась, чтобы помочь ему, но внезапно замерла, и у неё перехватило дыхание.

Её взгляд был прикован к подстилке под ним. Толстая выделанная шкура... кожа, которую обычно не брали даже каменные лезвия... была изорвана в клочья. Она была прорвана насквозь, словно огромный зверь в ярости терзал её когтями.

Но то, что было под ней, заставило её побледнеть.

В плотно утрамбованном земляном полу были вырезаны несколько глубоких, растрескавшихся борозд, а земля в них потрескалась и почернела, будто в неё ударила молния.

Она провела по следам дрожащим пальцем, а затем посмотрела на руку Сола. Она была покрыта коркой той же самой земли.

«Он... – мысленно прошептала она, глядя на него, – это он сделал?»

Она с трудом сглотнула, скрывая потрясение, но её руки слегка дрожали, когда она потянулась к нему.

– Пойдём, мой дорогой, – сказала она тихим и мягким голосом, – дай-ка я помогу тебе умыться, а то заболеешь, если так и останешься.

– Умыться? – моргнув, переспросил он. – Сейчас?

– Да, сейчас.

Тон не оставлял места для возражений.

– Могу я хотя бы...

– Нет. – Она уже поднимала его.

Он застонал: «Но я едва в сознании!» Дело было не в том, что он не хотел мыться, а в том, что он знал: в этой ситуации единственный способ искупаться, не раскрыв себя, – это если она ему поможет. И судя по её позе, было ясно, что она думала о том же.

«Чёрт! Это будет очень неловко».

Но она проигнорировала его мольбу и ответила:

– Ты можешь говорить. Значит, можешь и искупаться, и не волнуйся, я тебе помогу.

Прежде чем он успел возразить или выйти из своего режима мудреца, она осторожно, но уверенно и твёрдо поставила его на ноги и повела из хижины.

Тростниковая дверь хижины со скрипом отъехала в сторону, когда его вывели наружу, и он невольно зажмурился, глядя на небо. Солнце уже клонилось к закату, большое и оранжевое, бросая на небо длинные полосы света, а облака висели рыхлые и рваные, их края светились, словно их кто-то поджёт.

Даже воздух в груди казался свежим и чистым, когда он сделал глубокий вдох, настолько освежающим, что он вдохнул ещё глубже... совершенно не похожий на тяжёлое, душливое от дыма дыхание современных городов. Это был просто запах земли, травы и лёгкий дымок от костров для готовки, плывущий по ветру.

«Вау... – прошептал он. – А это... на самом деле приятно».

Уже приближался вечер, но всё равно было ясно, почти по-новому, словно весь мир омыли дочиста.

Она повела его на задний двор. За хижинкой находилась небольшая площадка для мытья, огороженная плетёным тростником. У края стояло несколько глиняных кувшинов, наполненных чистой водой из близлежащего ручья. Пол был выложен камнем, отполированным годами использования.

Сол моргнул. «...А здесь на самом деле куда чище, чем в моей квартире дома».

– Что?

– Ничего.

Примитивно, конечно. Но чисто, организовано и функционально.

И вот в этом большинство людей всегда ошибаются... большинство представляет «племенную жизнь» как нечто грязное, дикое, кишачное вонью и грязью.

Но это потому, что они ни хрена не знают о том, как люди на самом деле жили.

Правда? Эти люди тоже были людьми. У них были носы. У них были глаза. Они знали, что такое грязь. Они знали, когда что-то пахло, выглядело или ощущалось неправильно. Они понимали грязь и болезни так же, как инстинкт понимает огонь... не как науку, а как выживание.

Они знали, что если не следить за чистотой, всё сгниёт... раны, еда, даже люди.

А также знали, что грязь означает болезнь, а болезнь в этом мире, очевидно, означала смерть.

Вот почему мытьё здесь было не просто гигиеной, а сродни ритуалу.

На самом деле, они были даже гигиеничнее многих людей, особенно наших друзей-отаку дома, которые могли неделями не прикасаться к воде и оставляли священный ритуал омовения только для особых случаев. Он бы точно не признался, что и сам был из их числа. Никогда.

Так или иначе, здесь, в их культуре, быть чистым означало быть защищённым. Грязь была не просто грязью... её считали обителью болезней, зла и тёмной энергии.

Способ смыть не только грязь, но и любую тьму, что цеплялась за душу. Зло, дурные предзнаменования, бремя смерти... считалось, что всё это прилипает к телу, как невидимая грязь.

Вот почему перед любым важным событием, таким как охота, рождение, приём пищи или священное собрание, они мылись с головы до пят и становились чистыми до скрипа.

Они называли это очищением духов и получением благословения природы.

Место, где он сейчас находился, называлось Южная Глушь, и, несмотря на название, земля вовсе не была бесплодной.

Она была пышной, с реками, переплетающимися, словно вены под кожей мира. Большие, маленькие, чистые и мутные – все были доступны, просто нужно было быть очень храбрым, чтобы отважиться в них войти, особенно в мутные.

Куда ни глянь, где-то поблизости мерцала вода.

И люди постоянно ею пользовались. Они купались в реках, мыли свои инструменты, еду, детей и, вероятно, свои грехи тоже.

Мужчины перед охотой оттирали себя докрасна, используя речную воду, пепел, песок, листья... всё, что давала природа, чтобы очиститься, получить благословение духов, а также убрать свой запах и пот, чтобы добыча их не унюхала. И после каждой охоты они тёрли кожу грубой корой или песком, чтобы смыть кровь и пот.

Женщины, как всегда, шли дальше и не довольствовались просто водой: они смешивали ароматические масла из древесной смолы, измельчённых лепестков и перетёртых трав, чтобы кожа оставалась мягкой, свежей, и чтобы отпугивать насекомых.

Чёрт возьми, они даже использовали пасту из древесного угля для зубов... чёрную, зернистую, но эффективную.

Примитивно, да. Глупо? Нисколько.

Чистота означала безопасность.

Чистота означала жизнь.

В таком диком мире это был здравый смысл.

На самом деле, они казались прямо-таки одержимыми чистотой.

Даже их ритуалы отражали это... они верили, что чистые тела сохраняют дух племени сильным и незапятнанным.

Для так называемого примитивного мира они, похоже, отлично со всем справлялись.

Так или иначе, вернёмся к теме. Лира помогла ему сесть на возвышающуюся каменную плиту, и он зашипел от внезапного холода на ягодицах.

Она умело наполнила глиняный таз и без предупреждения вылила ему на голову кувшин воды. Вода была прохладной, шокирующей и именно тем, что ему было нужно. Она стекала по его шее и спине, смывая грязь, высохший пот и слабый запах трав.

– А-А-АХ... Лира! Могла бы и предупредить!

– Не двигайся, – сказала она, взяв тряпку и протирая его руки и грудь уверенными, отточенными движениями. – От тебя разит.

– Спасибо за комплимент, – пробормотал он.

Она не улыбнулась и продолжила.

– Ты не должен позволять боли сковывать твоё тело, – пробормотала она. – Стоячая вода гниёт. Неподвижная плоть слабеет.

Что ему оставалось делать? Он мог лишь послушно кивнуть, иначе, он знал, его ждала лекция.

Какое-то время она молча продолжала работать, и вода ритмично капала на каменный пол. Сол наблюдал, как выражение её лица смягчилось, стало более спокойным, почти ритуальным.

Он сглотнул. – Тётя Лира...

– М-м?

– Спасибо. Правда.

Её рука замерла на его руке. – Ты – семья, Сол.

Он не знал, что на это ответить, поэтому отвёл взгляд.

Вымыв верхнюю часть тела, она наконец добралась до его паха, и ему было очень любопытно, что она будет делать, потому что до сих пор его предыдущее «я» всегда мылось в одиночку или с матерью. Тётя мыла его впервые.

Вскоре она закончила мыть его торс и снова сполоснула тряпку. – Так. Теперь остальное.

Сол моргнул. Хотя он и знал, что она имеет в виду, всё же притворился, что не понял, желая проверить границы дозволенного. – ...Остальное – это?..

– Остальное, – спокойно повторила она.

Он уставился на неё.

Она посмотрела на него в ответ.

– Лира, – медленно произнёс он, – я взрослый мужчина.

– Да.

– Так что я могу... справиться с остальным сам.

Она приподняла бровь. – Ты едва на ногах стоишь.

– Ладно, резонно, но послушай...

– В этом племени, – сказала она ровным голосом, – опекун моет слабых. В этом нет стыда.

– ...А мне ОЧЕНЬ стыдно.

– Недостаточно, чтобы выжить, – ответила она.

Он открыл рот, чтобы возразить, словно и вправду был против.

Увидев выражение её лица, он послушно закрыл его, боясь, что она и впрямь воспримет его игру всерьёз.

Глава 12. Странное совпадение?

Она заботливо омыла всё его тело, почти не обращая внимания на его обнажённые гениталии. Её нежные руки скользили по его коже, успокаивая усталое тело.

Закончив омывать его тело, она наконец перешла к его гениталиям, а точнее – к члену.

Медленно и чувственно она принялась омывать его член. Когда её нежные руки обхватили его обесиленный орган, он издал довольный вздох. Тёплая вода и её ласковое прикосновение исторгли последнюю каплю спермы из его перевозбуждённого члена.

Она с наслаждением уделила внимание каждому дюйму: её изящные пальцы со знающей лёгкостью скользили по чувствительной нижней стороне, толстому стволу и нежной головке. Это было интимное, чувственное переживание, почти миниатюрный ручной массаж. Этот нежный массаж словно продлевал удовольствие, наращивая напряжение без необходимости в кульминации.

Несмотря на эротический подтекст, её действия оставались чистыми и бескорыстными, сосредоточенными исключительно на его комфорте и благополучии. И хотя мысленно он был готов к новому раунду, увы, его измученное тело, всё ещё не оправившееся от недавних похождений, не имело сил для ещё одной близости.

Несмотря на разочарование, он наслаждался нежной лаской, благодарный за её внимание и безмолвное обещание будущих удовольствий, когда к нему вернутся силы. В тот миг простой акт омовения казался чувственным танцем, нежной демонстрацией привязанности, которая питала и его тело, и душу.

С довольной улыбкой она нежно ополоснула его, и её прикосновение стало успокаивающим бальзамом для его ноющих мышц и сбившегося дыхания.

Когда она сочла, что он наконец-то чист... или, по крайней мере, больше не ходячая биологическая угроза... Лира коротко и удовлетворённо кивнула в знак одобрения. Таким кивком, что, казалось, говорил: «Вот, теперь ты снова похож на человека». А может, это было лишь его воображение.

Не говоря ни слова, она потянулась в сторону и взяла небольшую деревянную фляжку, стоявшую на плоском камне. Сосуд выглядел потёртым, но отполированным годами использования, его крышка была запечатана витком волокнистого шнура. Она откупорила его с тихим хлопком.

Тут же наружу вырвался насыщенный, землистый запах... мягкий, природный, почти успокаивающий.

Он слегка наклонился вперёд, заглядывая внутрь. Жидкость была густой, золотисто-коричневой и медленно перетекала, цепляясь за стенки, когда на неё падал свет. Его нос дёрнулся. – Что это? – с любопытством спросил он.

Увидев его любопытный взгляд, она искоса глянула на него и фыркнула. – Масло, – просто сказала она. – Оно делает кожу крепкой. Сомневаюсь, что ты когда-либо пользовался таким.

Он неловко улыбнулся, потому что она была права. Из обретённых воспоминаний он знал, что его предыдущее «я» не очень-то любило пользоваться маслом, говоря: «Мужикам не нужны эти ваши модные масла» и «Это для баб». Классический случай невежества, прикрытого гордыней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.